

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО)

Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Военные произведения, как русских, так и белорусских писателей, проникнутые глубоким пониманием трагической сущности человека, и сегодня вызывают у читателя чувство сопереживания, отличаются философским размышлением над судьбой отдельного человека как части общества и позволяют говорить о наличии в них феномена так называемого «двойного видения» войны, который в полной мере проявился в произведениях 60-х годов, когда в литературу пришло поколение «детей войны». Актуальность данной работы определяется необходимостью дальнейшего сравнительного изучения русской и белорусской литератур (на примере творчества конкретных писателей), что позволит выявить авторские модели мира, универсалии, конституирующие общность двух славянских литератур, расширить представление о реальной картине русско-белорусских взаимосвязей во второй половине XX века.

Цель исследования – определить константы национально-культурной парадигмы в произведениях В. Астафьева и В. Козько на тему Великой Отечественной войны,

Материал и методы. Материалом исследования послужила проза В. Астафьева и В. Козько на военную тематику. Проблематика и поэтика творчества этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников. Изучение произведений русского и белорусского авторов осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне.

Результаты и их обсуждение. В последней трети XX века после страшных социальных потрясений, сломавших жизненные устои и привычный миропорядок, в творчестве писателей особенно актуальным становится *дом* как прибежище от исторических катаклизмов. Его необходимой отличительной чертой является стабильность. Принципиальное значение для понимания идейной концепции военных произведений В. Астафьева и В. Козько, а также для их сравнительно-типологического анализа имеет *топос дома* в его социальном аспекте.

Для обоих писателей характерно выстраивание оппозиции *дом – антидом*. *Дом* (*дом-семья*) являет собой определенную модель взаимоотношений между людьми. В семье человек чувствует себя нужным и защищенным. Так, центральные герои романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» – Лешка Шестаков, Коля Рындин, Ашот Васконян, лейтенант Щусь, – которым в условиях казарменного быта и войны удалось сохранить человеческое достоинство, воспитывались в социально различных семьях (крестьянской, старообрядческой, интеллигентской), но все эти семьи были основаны на любви и уважении друг к другу. Кстати, о семье политрука Мусенка вообще ничего не известно, и это нельзя не расценить как способ выражения авторской позиции. По отношению к *дому-семье антидомом* становится место случайного объединения людей, которое всегда аккумулирует отрицательную семантику. В романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» всеми признаками *антидома* наделена казарма. Из родительских семей ребята попадают в атмосферу скученности, озлобленности, морального и физического разложения [1, 32]. Характеризуют положение солдат в казарме и выбранные автором лексические единицы: «чертова яма», «подвал», «помещение». В повестях В. Козько «Повесть о бесприютной любви» и «Суд у Слабадзе», посвященных страшному военному детству героев, *антидомом*, безусловно, становится немецкий концлагерь, о котором вспоминает Андрей Разорка, и «киндэрхайм», о котором пытается вспомнить Колька Летечка. Отметим, что страдания, пережитые героями В. Козько в *антидоме*, вытесняют у них память о *доме*.

Однако в произведениях В. Астафьева распространен *мотив превращения антидома в дом* в том случае, если людям, находящимся в *антидоме*, удастся выстроить гармоничные отношения, повторяющие семейные. В данной ситуации границы *дома-семьи*

расширяются: он объединяет людей не только по признаку родства, но становится местом со-бытия людей. Так, старшина Шпатор («Прокляты и убиты») пытается установить в казарме подобие семейных отношений, насколько это возможно, заменить солдатам отца. Ашот Васконян именно в казарме приобретает настоящих друзей, признается матери: «Я в этой яме пгозгев, товагищей, способных газделить последнюю кгошку хлеба пгиобгев...» [1, 299]. Примечательно, что узы этой дружбы становятся для Васконяна сильнее уз семейного родства, национальной принадлежности и даже возможности спасти собственную жизнь. Ашот твердо решает разделить участь своих товарищей и отправиться на фронт [1, 299].

В произведениях В. Астафьева и В. Козько на военную тематику особое значение приобретает категория бездомности. Следует, правда, отметить, что в прозе писателей *бездомность* имеет разную природу, но всегда осмысливается как величайшая трагедия. Для В. Астафьева *бездомность* – явление социальное, возникающее не тогда, когда рядом с героем нет родных людей или он далеко от дома, а когда у героя отсутствует модель благополучных семейных отношений. Мотив *бездомности*, к примеру, является сюжетообразующим в рассказе «Пролетный гусь». Проблема *бездомности* претерпевает в данном произведении определенную трансформацию. В начале рассказа пережившие войну молодые люди хоть и ощущают себя бездомными, но полны оптимизма, веры в будущее, способны преодолеть одиночество и почувствовать себя дома даже в незнакомом провинциальном городке Чуфырино. В конце рассказа *бездомность* и одиночество, приведшие Марину к самоубийству, обусловлены не только отсутствием своего угла, но потерей смысла жизни в связи со смертью мужа и сына. Однако В. Астафьев дает понять, что *бездомность* его героев не является только их личной бедой. Это проблема всего послевоенного общества, когда поколение молодых ребят, вернувшихся с войны, не имеющих ни жилья, ни образования, оказалось брошенным на произвол судьбы, а точнее, на произвол таких чиновников, как чета Мукомоловых. В. Козько, напротив, приходит от общего к частному. Причиной *бездомности* героев В. Козько выступает война как социальная катастрофа. Однако *бездомность* осмысливается белорусским автором как проблема глубоко экзистенциальная, связанная, в первую очередь, с отсутствием у героя памяти о доме (*внутреннего дома*). Так, в жизни Кольки Летечки («Суд у Слабадзе») функцию утраченной семьи выполняет детский дом и выполняет, надо сказать, довольно успешно: у мальчика складываются теплые отношения и с воспитанниками, и с администрацией. Но на протяжении всей повести герой страдает от *бездомности* (отсутствия памяти о доме) и за возможность обрести *внутренний дом* платит жизнью.

Заключение. Во многих произведениях В. Астафьева и В. Козько поднимается тема войны и военного детства. С точки зрения раскрытия идейно-художественной концепции данных произведений наиболее репрезентативным является *топос дома*, реализующий такие модели, как *дом-семья*, *антидом*, а также формирующий категорию *бездомности*.

Исследование военной литературы на сравнительно-типологическом уровне дает возможность определить генетическую связь русских и белорусских писателей, охарактеризовать их творческую манеру, раскрыть особенности историко-культурной ситуации второй половины XX века.

Кроме того, можно утверждать, что произведения о войне наряду с «деревенской прозой» помогли, как русским, так и белорусским писателям преодолеть каноны соцреализма и вернуться в русло классической реалистической эстетики.

Список литературы

1. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты : Роман / В.П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2007. – 832 с. – (Библиотека Всемирной Литературы).
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений : в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – 15 т.
3. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 480 с.